

Борис КУТЕНКОВ

В КАЖДОМ НЕРВЕ БЫТИЯ

Ольга Балла. Сквозной июль. Из несожжённого. – [б. м.]: [б. и.], 2020. – 40 с.

Ольга Балла. Пойманный свет. Смысловые практики в книгах и текстах начала столетия. [Б. м.]: Литературное бюро Натальи Рубановой / Издательские решения, 2020. – 464 с.

Ольга Балла. Библионавтика: Выписки из бортового журнала библиофага. – М.: Совпадение, 2020. – 416 с.¹

Три сборника самого трудолюбивого и фанатично преданного своему делу из наших книжных обозревателей, вышедшие в этом году (вслед за «Дикорослем», который традиционно вобрал в себя психологические эссе из Живого Журнала Балла), могут быть прочитаны как три подступа к авторской личности. Первый, «Сквозной июль», совершенно отдельный, – некоторое предмыслие, – книжечка стихов с трогательным подзаголовком «Из несожжённого»: здесь собрано то, с чем, по свидетельству автора, было жаль расставаться при уничтожении архива, и то, из чего зарождалось литературное настоящее Балла («И прорастанье чутких звуков слышит / В себе – предвестье будущей души», – сказано ей как будто обо всём том жизненном этапе). Следующие два – долгожданные сборники критики – перекликаются названиями с их семантикой исследовательского азарта и выхваченности из пространства, а в названии «Библионавтика» слышится ещё и молодой задор, прибавляемый к традиционно понимаемой серьёзности («библио-») книжной культуры. «Пойманный свет» – собрание книжных рецензий, выстроенное исходя из авторского представления о том, какую зону внимания та или иная книга занимает в культурном настоящем, – и Балла не была бы собой, если бы эти определения не ускользали от чётких границ («книга своевольничает – значит, живая», – поясняет автор в предисловии). В «Библионавтике», сходной с «Пойманным светом» по внутреннему устройству и тоже строго, но вместе с тем свободно систематизированной, названия разделов не объяснены; но героиня наша принадлежит к типу критиков со столь высокой степенью «семантизированнойности», – говоря её же словом о Марии Степановой, – что ничего случайного у неё нет и быть не может – даже в порыве творческой непреднамеренности.

(Вообще, мнится мне, что, будучи чётко и по-разному поделены на главы – поименованные ассоциативным способом, и как тут не провести аналогию с разделами поэтического сборника, – книги эти, «Пойманный свет» и «Библионавтика», чрезвычайно родственны по своим смысловым задачам. Обе представляют избранное разных лет и обе отражают скорее книжный процесс в его свободном движении, а не картину литературы. Разве что вторая, «Библионавтика», своим подзаголовком обманывает ожидания – будучи стилизована под необязательный сборник читательских предпочтений, – но выглядит именно внятным книжным путеводителем: не сборником бортовых записей, как нам это обещают в предисловии, а осмыслением книги в контексте производимой ей культурной работы – и только во вторую очередь в системе личных предпочтений обозревателя. Да и герои рецензий – от Сергея Лишаева до Михаила Эпштейна, от Андрея Таврова до Михаила Лаптева – в этих книгах во многом схожи, что позволяет говорить о внятном, предельно широком, но всё же не срывающемся в неразборчивость читательском диапазоне.)

¹ Книга в настоящее время готовится к выходу.

Хотя она – иронически именуемая себя «библиофагом» и даже посвятившая различению «библиомана», «библиофила» и «библиофага» уже упомянутое игровое предисловие, – не в меньшей степени психофизиолог чтения: перелистывание, ощупывание драгоценных страниц, вид книги, сама возможность брать издание в руки для неё – самоценное удовольствие. Сборник Михаила Лаптева «Корни огня» она именует «обжигающим», и эта метафора разворачивается, не будучи случайно брошенным общим местом, – а воспринимая в совокупности название книги Лаптева, его поэтику и критический стиль Балла, веришь, что сборник и правда способен и «обжигать» её, и поражать «необычной силой, дикой, хтонической». Процесс чтения у неё синестетичен (так и хочется сказать, используя её же внутрисетевой фольклор, что таков он «под её лапой»). «Но самое сочное в этом томе, главная его роскошь…» – такие определения не выглядят ни пошлыми, ни надуманными в заданных ею координатах, где процесс чтения – производное от фанатизма, он же – заразительное (и потому продуктивное) безумие. Вспомним её фотографии книжных завалов – «хребты» – из фейсбука; вспомним самоироничные призывы не подражать её, Балла, примеру после обильных книжных покупок; по сути, мы имеем дело с сознательным родом искреннего имиджмейкерства – во имя пропаганды книжной культуры, а не самопиара ради. «Да, чтение книг – это эрос. Одна из полноценных и властных областей его действия». Кстати, само предисловие к «Библионавтике» – незаменимый путеводитель по смысловым практикам чтения, несмотря на свою игровую природу: мы найдём тут разговор о мотивациях к чтению, о том, какие жанры лучше подходят (разумеется, самому автору предисловия) для восприятия в дороге и даже о том, как критик делает выписки для будущей рецензии. Те начинающие, кто ещё рвётся в нашу странную профессию, – не пройдите мимо.

Осознанно ли, неосознанно, – но в ореоле искреннего имиджмейкерства Балла воспитывает новый критический язык: принципиально отличный, например, от языка Галины Юзефович с её искусственными эмоциональными гиперболами², ощущением своего авторитета и влияния на читательское сознание. Коммуникационная стратегия Балла вводит чтение в повседневный ореол как особый вид культурного чудачества и даже – говоря словами Татьяны Бек об Арсении Тарковском, – «пассионарной неуместности» читающего – и захватывает самим погружением в материал (так что мы имеем дело, безусловно, с особым типом личности – несмотря на то, что к манифестарным и даже аналитическим статьям о литературном процессе Балла не склонна. Но навигационный тип критического сознания – роль «рыбы-лоцмана», апеллируя к названию одного из сборников Юзефович, – свойствен ей, как и Галине Леонидовне, – при куда большей «неочевидности» круга книжек и авторов, нежели у её «звёздной» коллеги, и при схожей склонности высказываться о книгах, а не картине литературы, – а если о последней, то через конкретный рецензионный объект³).

Если же говорить собственно о критическом языке, Балла создаёт особый род направленной на себя смысловой практики: как пишет она о Юлии Горовой, «способ качественного самопонимания и самоосуществления» (вообще, сложно избежать соблазна говорить о Балла её языком – настолько её голос чувствуется за её формулировками: одновременно быстрый и подробный, какой-то инокультурный. Впервые я почувствовал это, беседуя с Балла по телефону в конце 2017 года: чувствовалась секундная скорость реакции с точным, внятным выговариванием «своего» вслед за интенциями собеседника, как бы поверх говоримого им). Такова она и в критике – метко поименованная Дмитрием Бавильским на презентации «Пойманного света» «экзистенциальным писателем»; мы сказали бы об особом роде *самоустраняющегося эгоцентризма*. Художественный,

² Впрочем, и аудитории упомянутые критики, понятное дело, охватывают разные, но не далее как в день написания рецензии пришлось спорить с товарищем по поводу «иконы антиснобизма» – определения, данного Юзефович Умберто Эко; товарищу эти определения кажутся точными, мне же претит гламурная лексика, проникающая в критику.

³ Да и само название «Библионавтика» – не эхо ли «...рыбы-лоцмана» и «Таинственной карты» Юзефович?..

первичный язык, как не раз признавалась Балла, ей не подвластен (что отчасти опровергает сборник «Сквозной июль», о котором скажем позже), и выговаривание собственных смыслов через язык вторичный – критический – в её практике тем более ценно, что далеко от эссеистического самовыражения, когда предмет разговора становится лишь отправной точкой разговора. Идя вслед за собеседником, как в том телефонном разговоре, Балла проговаривает скрытое и важное не через «я» (слишком хорошо осознавая границы жанра, чтобы ставить себя в центр повествования: для этого есть соцсети и её дивная психологическая проза). И – не о ней ли самой наблюдение по поводу Александра Чанцева об «особенной этике высказывания» («он предпочитает говорить через чужое, по поводу чужого, отражённым светом: рецензиями, интервью, комментариями... (Разновидность осторожности? Или – что, впрочем, то же – стремление к большей обоснованности собственных высказываний, к их обеспеченности как можно большим объёмом культурного материала?)»)?.. «Пойманный свет» – «отражённый свет»...

Что же до героев писаний, то привлекает её всё «неожиданное и нетиповое» (и, чудится мне, в этом Балла сближается с уже упомянутой Татьяной Бек, вряд ли даже знакомой лично, но ставшей героиней одной из рецензий Ольги в «Знамени»). Если в манифесте поэта – отсылающем всё к тому же Тарковскому с его «пассионарной неуместностью» – пылкое обещание: «Я красотой наделю пристрастно / Всякие несовершенства эти! / То, что наверняка прекрасно, – / И без меня проживёт на свете», – то критик заинтересован в контекстуализации взаимосвязей, порождаемых этим нетиповым, маргинальным, немейнстримным, – назовите как хотите (мне вот понравилось процитированное ей слово Александра Скидана – «инакопирующие»), – но в итоге становящимся «лазейками в сложившихся и слежавшихся смысловых массивах»⁴. То, с каким тщанием Ольга Балла исследует области, где чувствуется «таинственность мира, принципиальная невмещаемость в человеческое разумение», позволяет видеть в ней исследователя именно периферийных областей литературы (которые, как мы знаем из Тынянова, имеют свойство перемещаться из периферии в центр)⁵. «Вызывает сопротивление, как всё массовое», – проговаривается она в одной из статей. Однако здесь далеко до снобизма – можно говорить лишь о нонконформности и, не побоимся сказать, особом роде полемизма. (Последнее – полемизм – правда, довольно неочевидное слово по отношению к Балла: к отрицательным оценкам она не склонна – разве что походя отметит излишность спора Михаила Эпштейна с «убогой концепцией Ричарда Докинза» – и то это словечко «убогий» выглядит у неё столь инородным вкраплением, что словно бы вставлено за неё редактором).

В разнонаправленных книгах и авторах её интересует не только «одинокостоящая нетипичность» (как едва ли не тавтологически – и тем усиливающе – говорит она о Мариам Петросян) или единство личности, – а сверхзадача, далеко выходящая за пределы конкретной книги или даже суммы текстов: «выговаривание устройства мира, образующих его сил, его оснований и истоков и взаимодействие с ними человека», – так, обобщая, цитируя её высказывание об Андрее Таврове, можно было бы сказать, чего она ждёт от объектов своего внимания. Более того, Балла можно назвать синтезирующим

⁴ «Я – складка тёмная на теле бытия, / В его суставе тяжкий вывих я» – эти строки из «Сквозного июля» звучат очень по-бековски – став частью смысловой программы, реализовавшейся у Балла в дальнейшем, но заметной в основном в психологической прозе. Прежде всего здесь важно осознание неудачничества (или, точнее, того, что понимается его носителем за таковое) как продуктивного – которое, будучи возвращенным на продуктивной базе саморазвития и труда за десятилетия (что мы и видим у Балла), способно дать мощные всходы.

⁵ Отдаю себе, впрочем, отчёт в некоторой условности сказанного – точнее, в идентификации понятий «одинокостоящее» явление и «немейнстримное»: «пассионарная неуместность» вполне может стать мейнстримом при соответствующем критическом обеспечении, а может – именно в силу той же непохожести ни на что вокруг – оказаться незамеченной литературным процессом, и последнее, увы, встречается чаще.

типом критика, видящим героя на органическом перекрестье ампула, – и кое-где, конечно, додумывающим, выводящим особый тип «исследовательской работы» из обычного проживания повседневности. (Задумался – не есть ли такой способ видения форма личной тоски критика по невозможному, род белой зависти к тому, кто не закрепощён единым ампула и может позволить себе реализовываться в разных сферах? Их, этих сфер культурного участия, у Балла две – критическая и смежная, редакторская, поэтому, если об ограниченности и можно вести речь, то весьма условно: скорее – о цельностном типе проживания, фанатической приверженности единому роду занятий, – что, как ни крути, всё же удачнее для восприятия публикой, нежели разорванность на множество ипостасей. На этом месте рецензент горько вздыхает – осознавая, сколь тонка граница между экспансивностью и калейдоскопическим восприятием твоей работы в глазах публики).

Хотя и слово «работа»-то в контексте такого типа проживания неточное – даром что часто употребляется у Балла в соседстве прилагательного «культурная», в высоком смысле. Не могу не сделать отступление. В начале моей работы в журнале «Литература», в 2014 году, мне приходилось часто отвечать на неловкие вопросы авторов о гонорарах: тогдашний главный редактор всё обещал и обещал и гонорары, и зарплаты, хитро отодвигая сроки, – журнал тем временем набирал популярность благодаря усилиям целого коллектива авторов и редакторов разделов, и отказаться от редакторства у меня не было никакой моральной возможности (даже к моменту, когда окончательно стало понятно, что все обещания о деньгах – лишь уловка). Задала вопрос о гонорарах и Ольга Балла, будучи приглашена мной писать для нас, а получив мой извиняющийся отрицательный ответ, прокомментировала: «Можно же к этому относиться как к блогу»; в ответ же на моё полувозмущённое: «У нас не блог, а серьёзный журнал!» пояснила, что акцент сделан на словах «можно относиться» – то бишь воспринимать обозревательство не как работу, а как естественный способ дыхания, оправдываемый чистым удовольствием и ответственностью по отношению к себе и читателю (деньги, по этой логике, воспринимаются как счастливое приложение к тому, что ты делал бы и так, для души. И может ли быть позиция мудрее?..). Этот эпизод живо вспомнился мне при чтении её рецензии о Василии Авченко, где она пишет, что «устанавливать связи, выявлять закономерности – не его работа; его дело – улавливать жизнь». В случае с Балла это представляется не только равно необходимым, но и нераздельным; мне уже приходилось писать в её случае об особом роде материнства – бережной защите книги от невнимательного прочтения, которого ещё нет, но которое словно бы заранее представляется критикой вредным для книги.

Эта захваченность процессом, неотделимость жизни от работы напоминает об Ирине Роднянской (ныне огорчительно редко пишущей) с её умением оставаться пристрастным читателем в сколь угодно аналитичной рецензии, радоваться и негодовать (хотя, как мы отметили выше, с негодованием у Балла меньше всего общего); от неё же – и здоровое снижение критического пафоса, которое выглядит особенно уместно, когда читатель видит и блестящий филологический анализ, и индивидуальный критический стиль. На мой вопрос в интервью «Формаслову», есть ли кокетство в этом самоумалении, Балла ответила прямо: «Честное слово, было бы глупо кокетничать в мои печальные лета, довольно уж и иных наделанных глупостей. Если откровенничать, то мне действительно очень издавна знакомо (вполне обоснованное) стойкое чувство неудачничества, того, что жизнь валится из рук и что руки совсем не так складны и цепки, как стоило бы, – и да, конечно, это стимулирует к тому, чтобы что-то с собой всё-таки делать, другой себя не дадут, будем работать с имеющимся материалом. – Единственный ли это корень всего процесса? – Ну, такой редуccionизм мне тоже не мил, – ведь бывает же (и постоянно бывает) и просто интересно; есть и азарт проживания текстов, азарт мышления и высказывания. Связанный со всем этим внутренний огонь»⁶. (И всё же лукавит,

⁶ <https://formasloff.ru/2020/03/01/olga-balla-nesbyvsheesya-velikaya-veshh/>

перегибает палку в самоиронии и самоумалении – говоря в предисловии к «Библионавтике», что, мол, «библиофил» и «библиоман» – люди с «высоким коэффициентом культурного участия», в отличие от «варварского» библиофага, делающего пометки на полях книги и превращающего их в личный дневник, – и всё это на основании, мол, того, что их коллекции имеют шансы отправиться в библиотеки после их смерти. Нет, Ольга, Вам ли не знать, что подобное «варварство», «хищное» присваивание гораздо более осмысленно, чем собирательство без отдачи в мир.) (Кстати, не предвестье ли подобного «улавливания жизни», эмоционального соучастия в жизни книги – написанные ей в 1980 году строки о слитности сущего: «И в каждом нерве бытия дрожит / Биенье слова и биенье крови»?..).

«Я в кулаке кусочек прошлой жизни, / Чтоб не пропал, не вылетел, не вытек, / Немного подержу – и отпущу», – говорит Ольга Балла в своих очень внимательных к миру, вбирающих его подробности ранних стихах – словно бы предвосхищая этим и собственную будущую критику с её консервацией смыслов, сохранением их в культурной памяти; с её «слепками, и очень подробными, с тех периодов жизни, в которые они [книги] были прочитаны». Теперь эти слепки есть у нас в виде книг, и это счастье. В первой же рецензии «Пойманного света» она употребляет свой любимый оборот «отчаянно жаль». Зная Ольгу Балла, мы верим, что в её случае это «жаль» и «отчаянно» – не пустые слова. Мне же отчаянно – и утопически, и по-редакторски жадно – жаль одного: что не все рецензии, вошедшие в эти книги, были опубликованы в подведомственных мне разделах изданий.